DK38.7
.K53
K646

a 00001 64369 9

Свящ. Н. Колосовъ.

Профессоръ В. О. Ключевскій.

(Краткій некрологъ и личныя воспоминанія).

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1911.

DK38.7
.K53
K646

Свящ. Н. Колосовъ.

Professor V.O. Kliuchevskii

Профессоръ

В. О. Ключевскій.

(Краткій некрологъ и личныя воспоминанія).

Павелъ Сергѣевичъ
Воскресенскій.

МОСКВА.
Типографія Императорскаго Московскаго Университета.
1911.

Отдѣльный оттискъ
изъ №№ 7—8 Душеполезнаго Чтенія
1911 г.

Профессоръ В. О. Ключевскій.

(Краткій некрологъ и личныя воспоминанія).

12 мая текущаго года скончался въ Москвѣ профессоръ по каѳедрѣ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ и (почти до самаго послѣдняго времени) въ Московской духовной академіи Василій Осиповичъ Ключевскій. Богато одаренная натура покойнаго была такъ разностороння, и личность его была такъ высоко интересна, что къ біографическимъ и библіографическимъ свѣдѣніямъ о немъ пишущій эти строки, сначала, въ бытность свою студентомъ академіи, ученикъ покойнаго, а потомъ, во время своей восьмилѣтней службы въ академіи, до нѣкоторой степени и его сослуживецъ, довольно близко знавшій его въ то время,—рѣшился присоединить и нѣсколько личныхъ о немъ воспоминаній.

Сынъ священника Пензенской епархіи [1]) Василій Осиповичъ родился 23 января 1842 года. Рано научился онъ грамотѣ и уже восьми лѣтъ читалъ вслухъ своей бабушкѣ житія Святыхъ, которыя впослѣдствіи избралъ матеріаломъ для ученой работы. «Потерянный рай» Мильтона, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими литературными произведеніями, бывшими въ ходу въ то время, были одними изъ первыхъ *свѣтскихъ* книгъ, прочитанныхъ имъ въ раннемъ дѣтствѣ.

[1]) Не безъ чувства нѣкоторой если не гордости, то по крайней мѣрѣ удовлетворенности, В. О. разсказывалъ пишущему эти строки, что онъ лишь однажды въ жизни встрѣтилъ однофамильца—какого-то генерала на Кавказѣ.

Поступивъ потомъ въ Пензенскую духовную семинарію, онъ закончилъ ученье въ ней философскимъ классомъ, откуда перешелъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета. Еще будучи студентомъ университета, В. О. обратилъ на себя вниманіе покойнаго историка и ректора Московскаго университета С. М. Соловьева, обратилъ настолько, что былъ вхожъ къ нему въ домъ. И съ обычнымъ своимъ юморомъ В. О. разсказывалъ нѣкоторые эпизоды изъ этого знакомства. И тогда уже В. О. отличался остроуміемъ, и Соловьевъ не мало смѣялся его остротамъ. И В. О. ставилъ это себѣ въ нѣкоторую заслугу. «Посмѣется, бывало, Соловьевъ, придетъ въ хорошее настроеніе, а потомъ хорошую страницу напишетъ»... У Соловьева былъ даже оригинальный обычай поощрять остроуміе: онъ платилъ по пятачку за остроту: «получите пятачекъ за остроуміе». — «Бывало, предъ уходомъ пошутишь—разсказывалъ В. О.:—Сергѣй Михайловичъ! мнѣ надо ѣхать четыре станціи: гдѣ я возьму четыре остроты?» — «Пѣшкомъ дойдете» — отвѣтитъ на это Соловьевъ. Съ большимъ юморомъ передавалъ В. О. и разсказъ покойнаго зятя Соловьева—Н. А. Попова о его хлопотахъ въ академіи наукъ о назначеніи преміи за одно изъ его сочиненій.

Въ университетѣ В. О. кончилъ курсъ въ 1865 году, вторымъ кандидатомъ, и вскорѣ, въ 1867 году, сталъ (до 1873 года) преподавать исторію въ Московскомъ Александровскомъ военномъ училищѣ, а въ 1871 году, вслѣдствіи рекомендаціи С. М. Соловьева тогдашнему ректору Московской духовной академіи прот. А. В. Горскому, былъ опредѣленъ приватъ-доцентомъ академіи по каѳедрѣ русской гражданской исторіи, которую и занималъ до осени 1906 года, когда онъ вышелъ изъ академіи—главнымъ образомъ вслѣдствіе значительнаго ухудшенія здоровья. 26 января 1872 года имъ была защищена диссертація на степень магистра русской исторіи на тему: «Древне-русскія житія Святыхъ, какъ историческій источникъ» (его

кандидатское сочиненіе «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ» было тоже напечатано), и вскорѣ послѣ этого совѣтомъ академіи онъ былъ избранъ въ доценты. Въ 1879 году В. О. совѣтомъ Московскаго университета былъ избранъ доцентомъ по каѳедрѣ русской исторіи, на мѣсто С. М. Соловьева, и въ этомъ же году совѣтомъ академіи избранъ въ экстраординарные профессора. По защитѣ докторской диссертаціи, въ 1881 году, онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ въ университетѣ, въ слѣдующемъ году получилъ ординатуру въ академіи, а черезъ два года и въ университетѣ. Кромѣ того, онъ преподавалъ русскую исторію на высшихъ женскихъ курсахъ и въ училищѣ живописи и ваянія въ Москвѣ. Въ 1887—1889 годахъ исполнялъ должность декана историко-филологическаго факультета, съ 1889 года около полутора года состоялъ помощникомъ ректора въ университетѣ и послѣдніе годы службы былъ заслуженнымъ профессоромъ и въ академіи, и въ университетѣ. Зиму 1893—1894 года В. О. преподавалъ въ Абасъ-Туманѣ исторію Великому князю Георгію Александровичу, а въ бытность Великаго князя Сергія Александровича московскимъ генералъ-губернаторомъ читалъ лекціи по русской исторіи ему. Съ 1900 года состоялъ ординарнымъ академикомъ Академіи наукъ по исторіи и древностямъ россійскимъ, съ 1893 по 1906 годъ былъ предсѣдателемъ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, а въ послѣдніе годы жизни состоялъ почетнымъ членомъ академіи и университета и почетнымъ академикомъ Академіи Наукъ по разряду изящной словесности. По поводу тридцатилѣтія его профессорства въ университетѣ въ 1909 году кружкомъ его учениковъ, друзей и почитателей былъ составленъ и посвященъ ему большой сборникъ историческихъ (преимущественно по русской исторіи) статей, гдѣ между прочимъ помѣщенъ и полный списокъ его ученыхъ трудовъ.

Помимо упомянутыхъ уже ученыхъ трудовъ В. О., имъ

изданы (съ 1904 по 1908 годы) четыре тома «Курса русской исторіи», доведеннаго до царствованія императр. Екатерины II (къ несчастью, пятый и шестой томы «Курса» остались почти неотдѣланными, хотя и появятся въ печати въ обработкѣ и подъ редакціей его учениковъ); «Краткое пособіе по русской исторіи» три изданія (Москва, 1904—1908 г.г.); «Значеніе преподобнаго Сергія въ исторіи русскаго народа» (рѣчь на торжественномъ актѣ въ Московской духовной академіи въ память пятисотлѣтія со дня кончины преп. Сергія—26 сентября 1892 года); «Происхожденіе крѣпостного права»; «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси»; «Русскій рубль»; «Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка»; «Добрые люди древней Руси»; «Содѣйствіе древней церкви успѣхамъ гражданскаго права и порядка»; «Евгеній Онѣгинъ и его предки» (всѣ три—публичныя лекціи); «О Новиковѣ», «Грусть» (памяти Лермонтова), «Новооткрытый памятникъ по исторіи раскола» и мног. другіе. И уже во время своей предсмертной болѣзни В. О. писалъ статью, которая осталась неоконченной.

В. О. вообще не жаловался на нездоровье. Напротивъ, онъ не прочь былъ иногда даже похвастаться своимъ здоровьемъ. Такъ, передавая разныя подробности изъ своего пребыванія въ Абасъ-Туманѣ, онъ разсказывалъ, между прочимъ, что для нѣкоторыхъ изъ жившихъ тамъ лицъ разрѣженный вслѣдствіе довольно значительной высоты резиденціи покойнаго великаго князя воздухъ былъ очень тяжелъ, и они почти задыхались въ немъ и не спали ночи.—«Бывало N (тутъ В. О. называлъ фамилію одного медика) придетъ ко мнѣ ночью, разбудитъ меня:—«какъ вамъ не стыдно спать такъ крѣпко, когда я задыхаюсь!» — а я ему:—«а я чѣмъ виноватъ, что мнѣ матушка дала здоровое сердце».—Вотъ на зубы только неоднократно жаловался В. О. Однажды, пріѣхавъ изъ Москвы, онъ разсказываетъ:—«вырвалъ себѣ восьмую часть рта!»—Какъ это такъ?—спросилъ я.—«А такъ—отвѣтилъ В. О.—че-

тыре зуба сразу: вѣдь во рту тридцать два зуба». Но потомъ В. О. сталъ прихварывать и какъ-то сразу посѣдѣлъ и еще болѣе согнулся, хотя продолжалъ оставаться такимъ же бодрымъ и оживленнымъ. Сильно подѣйствовала на него внезапная смерть жены, въ мартѣ 1909 года, и онъ послѣ этого еще болѣе состарился и замкнулся. Въ концѣ 1910 года у него настолько ясно обнаружились признаки каменной болѣзни, что онъ долженъ былъ лечь въ больницу доктора Стороженко, гдѣ ему были произведены, одна за другою, двѣ операціи. Хотя операціи эти были перенесены В. О. благополучно, улучшенія не только не послѣдовало, но появились еще осложненія въ почкахъ и другихъ органахъ и затѣмъ сильная слабость. Почти до самой кончины В. О. былъ въ сознаніи.—12 мая онъ скончался.

Отпѣваніе В. О-ча было совершено 15 мая въ университетской церкви преосвященными Трифономъ и Анастасіемъ съ многочисленнымъ духовенствомъ. Погребенъ В. О. въ Донскомъ монастырѣ.

Бываютъ два типа профессоровъ: одни гремятъ главнымъ образомъ въ своихъ ученыхъ трудахъ, другіе—всѣ, цѣликомъ — на каѳедрѣ, въ аудиторіи, въ лекціяхъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ и Ключевскій. — Припоминая прошлое, не безъ удивленія вспоминаю, что о Ключевскомъ даже въ послѣдніе годы ученья въ семинаріи я не слышалъ ни одного слова и о существованіи его не подозрѣвалъ, тогда какъ объ остальныхъ профессорахъ-историкахъ Московской духовной академіи—Голубинскомъ, Субботинѣ и Лебедевѣ, въ особенности же о первомъ, въ семинаріи ходили прямо легендарные разсказы; помимо этого, мы ихъ въ старшихъ классахъ семинаріи и читали. Первый разъ фамилію Ключевскаго я услышалъ, уже поступивъ въ академію. Но за то здѣсь это имя гремѣло. О достоинствахъ лекцій и ученыхъ трудовъ В. О-ча, о худо-

жественности ихъ и о значеніи его какъ историка было сказано и притомъ спеціалистами уже достаточно и, разумѣется, сказать что-либо новое въ этомъ отношеніи я бы не могъ; передамъ лишь вкратцѣ свои личныя впечатлѣнія. Къ каѳедрѣ шелъ, согнувшись, худощавый и сутуловатый человѣкъ въ черномъ сюртукѣ или форменномъ фракѣ, съ маленькой и рѣденькой бородкой, въ очкахъ, съ необыкновенно умными (о которыхъ можно было сказать, что изъ нихъ семь умовъ свѣтитъ) и проницательными глазами и съ замѣчательно же интеллигентнымъ, чисто профессорскимъ лицомъ. Усѣвшись на каѳедрѣ, онъ доставалъ изъ бокового кармана маленькій конспектикъ, въ который изрѣдка и на одно мгновеніе заглядывалъ, и начиналась его живая, образная, съ своеобразною интонаціей рѣчь. Говорили, будто онъ заикается, но на лекціяхъ, ни въ особенности впослѣдствіи, во время многократныхъ съ нимъ разговоровъ, я почти не замѣчалъ въ немъ этого недостатка. Къ дикціи и интонаціи его не сразу можно было привыкнуть: и интонація его съ перваго взгляда казалось монотонной, и останавливался онъ какъ-будто совсѣмъ не на знакахъ препинанія; но, послѣ недолгаго времени, его рѣчь уже казалась музыкой.—Относительно *содержанія* лекцій уже тогда въ голову приходило опредѣленіе, появившееся въ печати послѣ его смерти—что это была собственно не исторія, а философія исторіи. Факты предполагались извѣстными: о нихъ упоминалось лишь постольку, поскольку они служили подтвержденіемъ или иллюстраціей высказанныхъ положеній. Раздѣливъ исторію на періоды, В. О. начиналъ каждый періодъ указаніемъ главнѣйшихъ факторовъ (его обычное выраженіе), дѣйствовавшихъ въ этомъ періодѣ. Нагроможденія фактовъ, «массы подробностей, въ которыхъ тонутъ основныя мысли» его буквальное выраженіе), онъ не любилъ и преслѣдовалъ и въ студенческихъ сочиненіяхъ. Во времена моего студенчества разсказывали, будто В. О. какъ-то такъ отозвался объ исторіи Соловьева,—что Соловьевъ въ своей

исторіи проглядѣлъ бездѣлицу—русскій народъ. Было ли въ дѣйствительности сказано Ключевскимъ что-либо подобное, я не знаю, но въ лекціяхъ его жилъ и дѣйствовалъ, волновался и страдалъ дѣйствительно русскій народъ, съ своими правителями; выяснялись управлявшіе событіями факторы религіозные, политическіе, соціальные, бытовые, экономическіе (но отнюдь не одни только экономическіе), моральные и иные. И въ лекціяхъ В. О-ча оживала душа русскаго народа, изъ нихъ смотрѣло его политическое лицо, и яснымъ, и понятнымъ становилось, почему именно такъ, а не какъ-либо иначе развертывались событія русской исторіи; выяснялась *суть* событій, отличіе русскаго народа отъ иностранцевъ. Это было, если можно такъ выразиться, обозначеніе глазъ на лицѣ русской исторіи. Иногда, для обозначенія какого-либо фактора, В. О. бралъ какое-либо удачное современное событіямъ и выражавшее суть дѣла положеніе (напр.: «не повелось», «брели розно»). Но вотъ кончалось глубоко серьезное выясненіе факторовъ даннаго періода, и начинались иллюстраціи и характеристики. И здѣсь художественный юморъ В. О-ча сверкалъ такими яркими ослѣпительными искрами, что гомерическій хохотъ не смолкалъ въ переполненной донельзя аудиторіи, и долго еще послѣ окончаніи лекціи слушатели не могли успокоиться и повторяли, и передавали небывшимъ на лекціи нѣкоторыя выраженія В. О-ча.— Лекціи его студентами университета записывались и литографировались (оттуда и мы, студенты академіи, пріобрѣтали ихъ для себя) и передъ литографированіемъ представлялись В. О-чу на просмотръ. И разсказывали, что онъ просматривалъ и исправлялъ ихъ съ величайшею тщательностью.—«Наука—говаривалъ (правда, не студентамъ) В. О.—гордая красавица, за которою долго нужно ухаживать». Но на экзаменахъ въ академіи В. О. былъ снисходителенъ (передавали, будто въ университетѣ онъ былъ строже). Не требовалъ многаго онъ и отъ студенческихъ (такъ называемыхъ семестровыхъ, не кандидатскихъ) сочиненій.

Помню, какъ, давъ намъ тему о причинахъ Брестской уніи и порекомендовавъ намъ въ качествѣ пособія только девятый томъ «Исторіи русской церкви» митрополита Макарія, онъ прибавилъ:—«Я вамъ совѣтывалъ бы и даже просилъ бы: кромѣ того, что́ мною указано, не читать». И затѣмъ распространился о томъ, что студенческія сочиненія не имѣютъ какого-либо самостоятельнаго значенія а имѣютъ характеръ только упражненій.

Знакомство съ самимъ Василіемъ Осиповичемъ началось у меня только съ моего поступленія на службу при академіи (на должность библіотекаря академической библіотеки) и во всѣ восемь лѣтъ моей службы при академіи было довольно близкимъ. Одною изъ наиболѣе привлекательныхъ чертъ характера В. О-ча было отсутствіе въ немъ даже тѣни какой-либо профессорской важности. Въ отношеніи къ студентамъ онъ былъ, правда, очень остороженъ, хотя и неизмѣнно простъ и доброжелателенъ, но въ отношеніяхъ къ академической корпораціи былъ со всѣми совершенно одинаковъ. Даже болѣе, онъ вообще держался ближе и охотнѣе сходился съ младшими членами академической корпораціи: доцентами, библіотекаремъ, секретаремъ, помощникомъ инспектора. Даже къ своему чину (дѣйствительнаго статскаго совѣтника) онъ относился по бо́льшей части юмористически. Вотъ до чего онъ былъ простъ: однажды утромъ въ понедѣльникъ мы вмѣстѣ ѣхали съ нимъ изъ Москвы въ посадъ. Всю дорогу В. О. говорилъ безъ умолку; а когда пріѣхали въ посадъ, онъ вдругъ, схвативъ мой саквояжъ, сказалъ: «позвольте, я вамъ донесу». Не безъ нѣкотораго труда освободилъ я, сконфуженный, свой саквояжъ. — Знакомство съ нимъ началось у меня тогда, когда, вступивъ въ должность и начавъ дѣлать служебные визиты, я пришелъ къ нему въ гостиницу. Въ разговорѣ коснулись недостатковъ библіотечнаго зданія и между прочимъ сильнаго холода въ немъ. Въ этомъ не-

удачномъ зданіи отопленіе иногда совсѣмъ переставало дѣйствовать, и температура въ библіотекѣ вдругъ опускалась на 10 и болѣе градусовъ ниже нуля (а прекращать занятія въ ней и при такихъ обстоятельствахъ было нельзя), или изъ тепловыхъ отдушинъ вырывались густые клубы дыма; а холодъ, угаръ и сырость были обычнымъ и постояннымъ явленіемъ. Отъ всего этого потерялъ зубы, ноги, а отчасти и глаза помощникъ библіотекаря покойный іеромонахъ Рафаилъ,—это же унесло значительную часть здоровья и у пишущаго эти строки [1]). Такъ вотъ при упоминаніи о холодѣ въ библіотечномъ зданіи, В. О. посовѣтывалъ мнѣ обвязывать тамъ голову платкомъ.—Но вѣдь это будетъ очень смѣшно, будутъ смѣяться, сказалъ я.—«Лучше быть смѣшнымъ, чѣмъ больнымъ»—съ своей характерной интонаціей возразилъ В. О.—Иногда передъ обѣденнымъ перерывомъ занятій въ библіотекѣ В. О. заходилъ въ библіотеку и велъ меня къ себѣ, въ свой неизмѣнный семидесятипятикопѣечный номеръ въ среднемъ этажѣ старой лаврской гостиницы, или приглашалъ вечеромъ. Приходили и другіе, по большей части изъ молодежи, и начиналась задушевная, украшенная остроуміемъ и юморомъ хозяина бесѣда. И можно было цѣлые часы просидѣть за этой бесѣдой, не замѣчая времени и съ большимъ сожалѣніемъ прекращая ее. Бывало, и въ профессорской комнатѣ, въ перерывахъ между лекціями, В. О. всегда можно было застать не иначе, какъ стоящимъ среди комнаты, съ папироской въ рукахъ, и съ оживленной миной что-нибудь разсказывающимъ. Или придетъ бывало онъ въ библіотеку, въ которой неоднократно производился ремонтъ.—«Вы все чинитесь: ни дать, ни взять, какъ»... (при этомъ онъ, бывало, упомянетъ, не называя имени, о комъ-либо изъ своихъ знакомыхъ). Въ бесѣдѣ онъ бывалъ иногда

---

[1]) Капитальный ремонтъ, съ переустройствомъ отопленія, былъ произведенъ въ библіотечномъ зданіи лишь въ концѣ моей службы при академіи.

очень откровененъ: разсказывалъ нѣкоторые случаи изъ своей жизни, событія, случаи и анекдоты изъ исторіи и т. п. Немало разсказывалъ онъ и объ оригинальной обстановкѣ жизни въ Абасъ-Туманѣ, объ афоризмахъ, читанныхъ имъ и другими на одномъ изъ бывшихъ тамъ вечеровъ, при чемъ въ особенности припоминалъ одинъ изъ своихъ афоризмовъ, именно, что отрицать царя можно только, не имѣя царя въ головѣ и т. д.

Не могу безъ чувства глубокой признательности къ памяти Василія Осиповича не упомянуть о двухъ случаяхъ проявленія его доброты и доброжелательности ко мнѣ. Узнавъ о болѣзни одного близкаго ко мнѣ человѣка, В. О. предложилъ мнѣ, самъ, безъ намека даже съ моей стороны, помѣстить больного въ клинику знаменитаго московскаго профессора-врача и подъ непосредственное наблюденіе его главнаго помощника, близко знакомаго и много обязаннаго В. О-чу. (Въ этомъ, правда, не представилось надобности, но ужъ не по винѣ В. О-ча).—«Нужно же для васъ что-нибудь сдѣлать!»—неоднократно повторилъ онъ при этомъ. И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что мнѣ услугъ В. О-чу оказывать приходилось не особенно много, такъ какъ въ библіотеку обращался онъ не особенно часто.—Другой случай относится къ 1896 году. Весною этого года я хотѣлъ перейти на должность библіотекаря въ Московскій университетъ, и В. О. вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ Алексѣемъ Петровичемъ Лебедевымъ содѣйствовалъ мнѣ въ этомъ. (На баллотировкѣ избранный на эту должность получилъ на одинъ или два голоса больше меня; остальные баллотировавшіеся получили меньше меня).

Чрезъ В. О-ча я иногда пополнялъ академическую библіотеку отсутствовавшими въ ней... академическими диссертаціями. Дѣло было въ слѣдующемъ. По уставу, представляющіе въ совѣтъ академіи сочиненія на степень магистра или доктора должны, въ случаѣ признанія ихъ совѣтомъ удовлетворительными, представить въ совѣтъ пятьдесятъ печатныхъ экземпляровъ сочиненія. Эти экземпляры

раздаются членамъ академической корпораціи и разсылаются—въ Императорскую публичную библіотеку, Румянцевскій музей и по университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, съ которыми академія имѣетъ обмѣнъ изданіями. Съ теченіемъ времени, количество такихъ учрежденій увеличилось, и изъ канцеляріи нашей академіи перестали давать экземпляръ для академической библіотеки—на томъ основаніи, что-де авторы диссертацій, въ библіотеку, конечно, пожертвуютъ ихъ сами. Но авторы, несмотря даже на мои напоминанія и просьбы, жертвовали свои диссертаціи въ академическую библіотеку далеко не всегда. Въ результатѣ получалось нѣчто архи-нелѣпое: въ академической библіотекѣ не оказывалось ни одного экземпляра диссертацій, одобренныхъ академіей. Заботясь въ особенности о пополненіи русскаго отдѣла библіотеки (довольно-таки скуднаго), я пускался на всевозможныя хитрости для пріобрѣтенія недостающихъ диссертацій. Вотъ тутъ-то я и пользовался добротою В. О-ча. Я бралъ изъ канцеляріи предназначавшіеся для него экземпляры диссертацій, относительно которыхъ имѣлъ основаніе полагать, что они ему не нужны (напр. чисто богословскаго содержанія) и, при встрѣчѣ, просилъ В. О-ча пожертвовать ихъ въ академическую библіотеку.—«А какая книга?»—спрашивалъ В. О. и, выслушавъ заглавіе, шутливо восклицалъ: «Жертвую!.. Жертвую!..» Такимъ образомъ я пріобрѣлъ для академической библіотеки нѣсколько академическихъ диссертацій. А покупать ихъ было нельзя, такъ какъ онѣ должны были поступать въ библіотеку даромъ.

У В. О-ча и у самого была большая библіотека.—«Хоть и не Богъ знаетъ какая у меня библіотека—сказалъ онъ однажды по какому-то поводу еще въ девятидесятыхъ годахъ — а все тысячъ пять томовъ наберется. А куда мнѣ ихъ дѣвать, кому отдать послѣ смерти?..»

Занятія наукой до того поглощали В. О-ча, что у него совсѣмъ не оставалось времени для посторонняго чтенія.—«Уже тридцать лѣтъ я не читаю никакой беллетристики»—говорилъ мнѣ В. О. въ 1895 или 1896 году.

Для примѣра приведу одинъ изъ образцовъ остроумія В. О-ча, расточавшагося имъ безъ счету.—«Есть люди двухъ родовъ—сказалъ онъ какъ-то:—одни прежде думаютъ, потомъ поступаютъ, другіе прежде поступаютъ, а потомъ думаютъ. Послѣдняго рода людей обыкновенно называютъ рѣшительными. Есть люди, которые думаютъ не поступая—это философы. И есть люди, которые поступаютъ не думая—это женщины»...

Академическую библіотеку нерѣдко посѣщаютъ для занятій (главнымъ образомъ рукописями) посторонніе профессора и ученые, иногда даже и иностранцы. Въ особенности это бываетъ во время лѣтнихъ вакацій. Однажды съ этой цѣлью пріѣхалъ въ академію извѣстный профессоръ византологъ К. Крумбахеръ, нынѣ покойный, авторъ извѣстной «Исторіи византійской литературы» (какъ разсказывалъ В. О., въ три мѣсяца изучившій въ Вѣнѣ русскій языкъ). Съ нимъ пріѣхалъ В. О., хотя день былъ не лекціонный; кромѣ того, ихъ сопровождалъ одинъ изъ нашихъ академическихъ доцентовъ, спеціально занимавшійся византологіей. Когда мы пришли въ библіотеку, я досталъ нужныя Крумбахеру рукописи, и онъ сталъ ихъ разсматривать, а насъ В. О. отвелъ въ другую комнату библіотеки (день былъ неприсутственный, и постороннихъ въ библіотекѣ не было) и началъ разсказывать, между прочимъ изъ недавняго прошлаго, такъ остроумно и занимательно, что мы искренно пожалѣли, когда минутъ черезъ сорокъ Крумбахеръ, кончивъ просмотръ рукописей, подошелъ къ намъ, и нужно было уходить изъ библіотеки.

Въ заключеніе—еще одно воспоминаніе. Въ 1892 году, во время празднованія въ лаврѣ пятисотлѣтія со дня кончины Преподобнаго Сергія, и въ академіи былъ устроенъ, 26 сентября, торжественный юбилейный актъ, въ присутствіи высокопреосвященнаго Леонтія, преосвященныхъ, профессоровъ, студентовъ и посторонней публики. И изъ трехъ, произнесенныхъ на этомъ актѣ рѣчей, послѣдняя принадлежала В. О-чу. Онъ говорилъ о значеніи Препо-

добнаго Сергія въ исторіи русскаго народа. И рѣчь его была такъ высокохудожественна и съ такимъ подъемомъ и задушевностью сказана, что, казалось, превосходила все, слышанное отъ него раньше. Послѣ его рѣчи и вмѣстѣ окончанія акта, я первый подошелъ къ нему, со словами:—Ну, В. О., вы самого себя превзошли!—«Вотъ какъ—отвѣтилъ на это В. О.—самого себя за волосы стащилъ».—Но слова эти ему, очевидно, все таки понравились, такъ какъ потомъ я слышалъ, какъ онъ говорилъ:—«вонъ, говорятъ, что я самого себя превзошелъ».

Многое можно было бы и еще разсказать о В. О-чѣ, но довольно и этого. Ученый, мыслитель, художникъ, замѣчательный остроумецъ и просто хорошій человѣкъ соединились въ немъ въ рѣдкомъ и счастливомъ сочетаніи. И всякій, кому приходилось встрѣтиться съ нимъ, думаемъ, не забудетъ этихъ встрѣчъ.—Да упокоитъ его Господь въ Своихъ небесныхъ селеніяхъ, и да будетъ ему вѣчная память!